

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СИРЕНОВ

доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России исторического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет
sirenov@rambler.ru

О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ СТЕПЕННОЙ КНИГИ

Цель статьи – определение особенностей отражения исторических фактов в Степенной книге в отношении как текстуальных заимствований, так и идеологического воздействия.

Ключевые слова: источниковедение, русская историография, агиография, Степенная книга, летописание, русская история XVI века

В XVI веке появляются обширные своды, которые можно назвать первыми отечественными энциклопедиями. В 20-е и 40-е годы XVI столетия составлены два крупнейших исторических свода – летописи Никоновская и Воскресенская. В них собраны известия многих древнерусских летописей как предшествующих эпох, так и современных. Новгородский архиепископ Макарий в 1530-е годы организовал работу по созданию крупнейшего свода житийной и нравоучительной литературы. Эта работа продолжилась и в Москве, после того как Макарий стал митрополитом всея Руси. Так появились Великие Минеи Четьи. Степенная книга является следующим шагом в истории создания обобщающих трудов. Она представляет собой адаптированный для широкого читателя текст, повествующий о русской истории. Основными источниками для составления Степенной книги послужили Никоновская, Воскресенская летописи, а также жития русских святых из Великих Миней Четьих. Таким образом, это произведение соединяет основные достоинства произведений предшествующих: подробность и обстоятельность летописного текста с занимательностью и стилистическими красотами житийной литературы.

Исследователям было непросто определить автора Степенной книги. Первый русский историк В. Н. Татищев считал, что Степенная книга в своем первоначальном виде написана митрополитом Киприаном на рубеже XIV–XV веков [18; 424]. Можно думать, что исследователь ввел в заблуждение Житие митрополита Петра, содержащееся в Степенной книге. В его заглавии указано, что автором Жития является митрополит Киприан. Других указаний на авторство в тексте Степенной книги нет, поэтому Татищев и предположил, что Киприан написал не только Житие Петра, но и весь ее текст. Эта точка зрения долгое время была общепризнанной, хотя против нее возражали К. Ф. Калайдович и Н. М. Карамзин, относя создание памятника к эпохе Ивана Грозного [8], [9; 26]. Весомым аргументом против ранней датировки стало обнаружение древнего списка Степенной книги

в библиотеке московского Чудова монастыря, бывшего в XVI веке резиденцией главы русской церкви [17; 147]. На первых листах рукописи читается запись: «Книга Чюдова манастиря, собрана смиренным Афонасием митрополитом всея Руси», которая свидетельствует о том, что автор Степенной книги – митрополит Афанасий, занимавший митрополичью кафедру в 1564–1566 годах. Чуть позже находки Чудовского списка появилось исследование переяславского краеведа А. И. Свирелина, который обратил внимание на присутствие в тексте памятника краткого Жития Даниила Переяславского, что нарушает основной принцип Степенной книги – повествовать о деяниях князей и митрополитов. Даже Сергию Радонежскому уделено здесь всего несколько слов. Однако такое исключение для Даниила Переяславского, которого не отличали ни высокое происхождение, ни положение в церковной иерархии, объясняется, если иметь в виду, что он был учителем митрополита Афанасия. Таким образом, в работе А. И. Свирелина впервые аргументировано предположение, что Степенную книгу написал митрополит Афанасий [14; 77–82, 83–85]. Более весомый аргумент в пользу этого предположения был выдвинут исследователем начала XX века П. Г. Васенко. Он обратился к известию Степенной книги о чуде от мощей Александра Невского, где автор пишет, что он сам получил исцеление от «язвы» на руке. Лицевой летописный свод, повествуя об этом событии, называет имя исцеленного – священник Благовещенского собора Андрей. Известно, что, приняв монашество, Андрей стал Афонасием и в 1564 году занял митрополичью кафедру. Так было доказано, что автором Степенной книги следует считать митрополита Афанасия [6; 203–204]. В настоящее время обнаружены еще два древнейших списка Степенной книги, Томский и Волковский [11], [12], [17]. Коллективом авторов готовится новое научное издание и исследование текста памятника¹.

Доступность и изящество изложения, соединенное с концептуальной четкостью, сделало Степенную книгу наиболее читаемым и ав-

торитетным историографическим произведением древнерусской литературы. Уже в XVI веке она стала одним из основных источников иллюстрированной истории России – Лицевого летописного свода. В XVII веке практически каждое произведение, посвященное древнерусской истории, использовало Степенную книгу или испытывало влияние этого историографического монстра, как в конце XVIII века ее охарактеризовал выдающийся исследователь древнерусских летописей А. Л. Шлецер².

В чем же своеобразие Степенной книги? Прежде всего оно заключается в необычной для древнерусского исторического произведения композиции текста. Произведение состоит из 17 частей, которые в соответствии с традицией названы гранями. Однако у этих частей есть еще одно название – «степени», что в переводе с церковнославянского значит «ступени». Каждая грань символизирует очередную ступень, а вся Степенная книга имеет символическое значение лестницы. Как сказано в предисловии к Степенной книге, перед нами лестница с золотыми ступенями, «по ней же невозбранен к Богу восход». Эти черты роднят Степенную книгу с жанром лествиц. Произведения под названием «лествицы» широко известны в византийской святоотеческой литературе. Византийские лествицы повествовали о нравственном восхождении человека через преодоление грехов к добродетелям. Каждая «степень»-ступень византийских лествиц посвящена какому-либо греху или добродетели: от самого тяжкого греха к самым богоугодным добродетелям. Согласно воззрениям византийских богословов, по этой мистической лестнице душа человека может приближаться к Богу. Образ лестницы пришел в христианское богословие из Ветхого Завета (Книга Бытия, XXVIII. 10–22). Согласно Священному Писанию, сын Исаака Иаков во сне узрел лестницу, ведущую от земли на небо, по которой поднимаются и спускаются ангелы. Образ «Лестницы Иакова» со временем приобрел популярность и многочисленные толкования. Известен он и в католической культуре, но наибольшее распространение получил в Византии и на Руси. Византийская литература знает несколько лествиц, принадлежащих разным авторам. Самая известная из них была написана в VI–VII веках Иоанном Синайским и пользовалась в Византии и Древней Руси большим авторитетом. Это отразилось, в частности, на том, что автора этой лествицы на Руси называли Иоанном Лествичником, вменяя ему в особую заслугу ее сочинение.

Таким образом, Степенная книга относится к хорошо знакомому в то время жанру лествиц. Уникальность Степенной книги заключается в том, что ее сходство с лестницами чисто внешнее и заканчивается разделением текста на степени. Византийские лествицы повествуют о нрав-

ственном восхождении, самоусовершенствовании человека, а Степенная книга рассказывает нам историю русского народа. Каждая ступень Степенной книги посвящена очередному правителю Руси, князю из рода Рюриковичей, от Владимира Святого до его потомка в семнадцатом колене Ивана Грозного. Отсюда видим, что в основе Степенной книги лежит другой принцип – генеалогический. Не случайно полное название памятника – «Книга Степенная царского родословия». Термин «степень» приобретает здесь значение поколения и переносит нас в область генеалогии. Действительно, в тексте мы не встретим указаний на то, что последующие князья были в чем-то благочестивее или удачливее предыдущих, как этого требовал жанр лествицы (сначала грехи, а потом добродетели). Такой взгляд на историю рода Рюриковичей показался бы человеку XVI века крамольным, ведь у истоков родословного древа Рюриковичей стоят княгиня Ольга и князь Владимир, причисленные к лику святых и даже возведенные в ранг равноапостольных, то есть приравненные к апостолам. Следовательно, главный принцип Степенной книги – генеалогический. И все же не случайно Степенная книга начинает счет поколений не с родоначальника династии Рюрика или его сына Игоря, а с первого христианина на престоле – Владимира. Именно Владимир положил начало новой, христианской истории Руси, при нем началось восхождение русского народа к Богу. Надо сказать, что, характеризуя очередного «самодержца», Степенная книга неизменно указывает его порядковый номер по поколениям от Владимира и от Рюрика. Этот двойной счет свидетельствует о том, что генеалогический принцип не был доминирующим при создании Степенной книги. Идеологам Ивана Грозного было особенно важно, чтобы царское родословие начиналось с равноапостольного Святого Владимира, а не с язычников Рюрика и Игоря. Эту мысль развил и сам Иван Грозный в Послании Андрею Курбскому: «Сего убо православия истинного Российскаго царствия самодержавство Божиим изволением почен от великаго князя Владимира, просветившаго Рускую землю святым крещением...» [4; 12]. Как видим, с фактом крещения Руси при князе Владимире Иван Грозный связывал и начало самодержавия на Руси. Князь Владимир, таким образом, выступает как основоположник и религиозного, и государственного устройства Руси. Видимо, поэтому в Степенной книге именно он выбран родоначальником царского рода, а его правление символизирует первую ступень лестницы русской истории. Вторая ступень-ступень посвящена сыну Владимира Святославича Ярославу Мудрому, третья ступень – сыну Ярослава Всеволоду, четвертая – его сыну Владимиру Мономаху. Далее следуют потомки Владимира Мономаха: Юрий Долгору-

кий (V степень), Всеволод Большое Гнездо (VI степень), Ярослав Всеволодович (VII степень), Александр Невский (VIII степень), Даниил Московский (IX степень), Иван Калита (X степень), Иван Красный (XI степень), Дмитрий Донской (XII степень), Василий I (XIII степень), Василий Темный (XIV степень), Иван III (XV степень), Василий III (XVI степень) и, наконец, Иван Грозный (XVII степень). Эти персонажи русской истории знакомы каждому еще со школьной скамьи. Они стали главными героями отечественной историографии начиная со Степенной книги и вплоть до трудов Татищева и Карамзина. Выбор их в Степенной книге не случаен – перед нами линия прямых предков Ивана Грозного. Таким образом, задача составителя Степенной книги состояла в том, чтобы из летописного и житийного материала выбрать известия о прямых предках царя и представить этих князей главными героями отечественной истории. О том, насколько успешно выполнена поставленная задача, можно судить, сопоставив повествование Степенной книги с текстом любой из древнерусских летописей. На страницах летописей действуют десятки князей, называемые в большинстве случаев по именам и отчествам. Разобраться в их взаимоотношениях весьма непросто. В повествовании же Степенной книги всегда есть главный герой, вокруг которого разворачивается действие. «Самодержателем» безусловно объявляется предок Ивана Грозного, а все остальные упоминаемые князья фигурируют как его современники и «сродники».

Степенная книга излагает исторический материал не хронологически, как летописи, а тематически. В этом ее принципиальное новшество, прием, не известный до той поры на Руси. Перед нами уже не средневековая хроника, а, скорее, трактат, характерный для Нового времени. Идеологическая заостренность и стилистическая обработка текста нередко приводили к тому, что в изложении фактов появлялась непоследовательность и даже небрежность, переходящая порой в искажение и фальсификацию. Яркий пример такого подхода к материалу выявлен и подробно рассмотрен Д. Н. Альшицем [5]. Он касается походов южнорусских князей на половцев в 80-е годы XII века. Как известно, после удачного похода киевского князя Святослава Ольговича 1185 года состоялся поход новгород-северского князя Игоря Святославича, окончившийся разгромом русского войска и пленением самого князя, о чем эмоционально рассказывает Слово о полку Игореве. Летописи также уделили немало места этому событию, сопроводив свой рассказ и нравоучениями. Составитель Степенной книги не преминул воспользоваться столь богатым материалом, который, впрочем, не подходил ему по одной причине: главный герой этой эпохи, представитель шестого поколения Рюрико-

вичей Всеволод Юрьевич не принимал никакого участия в описываемых событиях. В Слове о полку Игореве читаем даже открытый упрек за это владимирскому князю Всеволоду. Это обстоятельство, однако, автора Степенной книги не смутило. История с неудачным походом князя Игоря в Степенную книгу была включена, но предыдущий победоносный поход Всеволода Ольговича был приписан... главному герою Всеволоду Юрьевичу! Перед нами уже явное искажение истории в угоду идеологическим построениям. Отметим, что подобные искажения в Степенной книге встречаются все же нечасто. Это скорее исключение, чем правило. Правилom можно назвать другую особенность Степенной книги в изображении истории. Стиль, которым написана Степенная книга, исследователи характеризуют как «плетение словес». Этот стиль предполагает, что описываемое событие будет украшено различными эпитетами и толкованиями и таким образом исчерпывающе охарактеризовано. И вот книжник XVI века брался толковать события далекого прошлого и делал это с позиций своего времени. Так в Степенной книге появились характеристики, искажающие древнерусскую историю. Приведем один пример. Древнерусские летописи повествуют о приходе в Киев при Ярославе Мудром трех мастеров церковного пения из Византии: «Придоша в Киев трие певцы от грек с роды своими» [3; 85]. Это известие как нельзя лучше подходило для Степенной книги, и поэтому нет ничего странного в том, что оно туда попало. Однако оно появилось в переработанном виде. Составитель Степенной книги прибавил, что от переселившихся из Византии в Киев трех певцов распространилось на Руси «ангелоподобное пение», «кизрядное осьмогласие», «трисоставное сладкогласование» и демественное пение. Исследователи древнерусской церковной музыки еще в XIX веке обратили внимание на «уникальность» этого сообщения Степенной книги. Дело в том, что демественное пение появилось на Руси не ранее XV века [13; 5]. Степенная книга перенесла реалии XVI века в XI век. Для нашего времени это, конечно, непростительная оплошность. Но в XVI веке на изложение истории смотрели иначе. Составителю Степенной книги было важно рассказать своим читателям о выдающихся событиях прошлого и охарактеризовать эти события как можно более торжественно и подробно. Важно было создать в воображении читателя зримый образ, и лучшими средствами для этого были современные реалии. В таком комментированном изложении большая ценность Степенной книги как источника по истории XVI века. Если мы отделим комментарии от описания самих событий, то сможем проследить по ним восприятие отечественной истории человеком XVI века.

Раскладывая текст Степенной книги на известные источники и комментарий книжника XVI века, исследователям удастся объяснить происхождение самых казалось бы фантастических сообщений. Г. Д. Ленхофф обратила внимание на сообщение Степенной книги о крещении останков греческого философа Платона [20]. Кости Платона крестили в Византии якобы за то, что он не признал Богом Аполлона и пророчествовал о воплощении истинного Бога от непорочной девы [1; 166]. Этот факт, разумеется, не имеет подтверждения в истории древнегреческой философии. В Степенной книге он сообщается после описания посмертного крещения братьев князя Владимира – Ярополка и Олега и должен подтвердить правомерность самого факта посмертного крещения. Но откуда могла прийти в голову составителю Степенной книги такая фантазия? Ленхофф удалось найти источники этого текста. Основным источником оказалось произведение XV или начала XVI века «Пророчества еллинских мудрецов», в котором, однако, пророчество о воплощении истинного Бога приписано Аристотелю, а крещение костей – другому лицу, имя которого якобы осталось неизвестным [7], [19; 91–92]. Платон упомянут в этом произведении совсем в другой связи. Образ Платона и посмертное крещение за пророчество соединились в клейме золоченых врат придворного Благовещенского собора Московского Кремля; создание этих врат исследователи датируют XVI веком. Уже здесь была допущена путаница при заимствовании из текста «Пророчества еллинских мудрецов». На клейме изображен Платон, сидящий у своего гроба, отвергающий языческого Бога и предсказывающий крещение своих останков. Столь сложный путь прошел сюжет о древнегреческом философе, пока не попал в Степенную книгу. Прибавим, что пресловутое клеймо с изображением Платона помещено на вратах как раз на уровне замка. Запирая и отпирая собор, современники Степенной книги невольно натывались взглядом на это клеймо, которое и сейчас вызывает недоумение. Видимо, поэтому данный сюжет предварен в Степенной книге нехарактерной для этого памятника оговоркой: «...глаголют неции». Составитель же Степенной книги митрополит Афанасий, как известно, начал свою придворную карьеру, будучи протопопом Благовещенского собора.

Еще одна особенность текста Степенной книги – особое внимание к реликвиям Московского государства. В некоторых случаях именно комментарии автора Степенной книги помогают современным исследователям отождествить легендарные реликвии с дошедшими до нас памятниками средневековой культуры. Пожалуй, самым показательным в этом отношении является пример с надгробной доской св. Димитрия Солунского. Еще в 1197 году, как повествуют

летописи, владимирский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо для новопостроенного Дмитриевского собора «принес доску гробную из Селуня, святого мученика Дмитрия, мюро непрестанно точащю на здравье немощным» [2; 437]. Далее в летописном рассказе говорится, что кроме мироточащей «гробной доски» из Солуни была принесена и «сорочка» св. Димитрия Солунского. Так могущественный владимирский князь содействовал почитанию на Руси солунского воина-мученика, своего святого-покровителя. После нашествия Батыя следы солунской реликвии теряются, и только автор Степенной книги описывает надгробную доску и указывает ее новое местонахождение: «...его же (Димитрия Солунского. – А. С.) образ на той дске написан, иже и донныне видим есть и покланяем в бохранимом граде Москве в велицей соборней церкви Пречистыя Богородицы» [1; 226]. Действительно, в Успенском соборе Московского Кремля находится икона Димитрия Солунского древнего письма (в настоящее время она под записью конца XVII века). О том, что это именно «гробная доска», пренесенная некогда из Солуни во Владимир, свидетельствует надпись на табличке, которая датируется XVII веком и, возможно, была составлена под влиянием Степенной книги. Таким образом, Степенная книга впервые указала на тождество надгробной доски из Солуни и кремлевской иконы. Прибавим, что современные исследования всецело подтверждают версию Степенной книги [16]. Теперь мы знаем, что иконы Димитрия Солунского распространялись из Солуни под видом надгробных досок святого по всему христианскому миру. Русская реликвия, о которой идет речь, – явление этого ряда. Не менее интересно для нас и описание в Степенной книге обретения мощей князя Георгия Всеволодовича. Согласно летописному рассказу, Георгий Всеволодович погиб 4 февраля 1238 года в битве с татаро-монголами на реке Сить. После битвы было обнаружено обезглавленное тело князя, и лишь спустя некоторое время проезжавший мимо ростовский епископ Кирилл обрел голову Георгия Всеволодовича, которую в Ростове вложили в гроб с останками погибшего князя. Степенная книга, передавая эту историю довольно близко к своему источнику – летописи, добавляет одну подробность. А именно, что голова чудесным образом присоединилась к телу, причем пропал и самый след отсечения головы. Это уточнение тем более важно, что на мощах святого Георгия Всеволодовича, канонизированного в середине XVII века, и ныне не заметно никакого следа отсечения головы. Можно предположить, что автор Степенной книги видел останки Георгия Всеволодовича и внес в текст своего труда весьма важное корректирующее уточнение. Можно назвать еще целый ряд свидетельств Степенной

книги о реликвиях средневековой России, которые помогают современным исследователям лучше представить эти памятники.

Идеологическая концепция Степенной книги устарела уже к концу XVI века. Основным залогом благополучия Российского государства Степенная книга провозглашает правление династии Рюриковичей, а именно ее ветви, к которой принадлежал Иван Грозный. Последний же представитель этой династии, царь Федор Иванович, скончался в 1598 году. Но популярность Степенной книги не уменьшилась. До нас дошли 140 списков памятника, созданных в XVI–XVIII веках. Замечательному творению русской исторической мысли XVI века была уготована долгая

жизнь. Большинство произведений, посвященных древнерусской истории, начиная с Лицевого летописного свода XVI века и вплоть до исследований русских историков XVIII – начала XIX века М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина, находились под влиянием Степенной книги.

Исследование осуществлено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Государственный контракт № П564 от 17.05.2010, научно-исследовательская работа по проблеме «Формирование государственной идеологии в России в XIV–XVII вв.»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Руководитель проекта – профессор Калифорнийского университета (США) Г. Ленхофф.

² А. Л. Шлецер назвал Степенную книгу «ужасным чудовищем» за многочисленные неточности и искажения летописного текста (см. [10; 134]).

ИСТОЧНИКИ

1. Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1.
2. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Л., 1927.
3. Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1882. Т. 9.
4. Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. М.: Наука, 1981.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

5. Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде – полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 15. С. 64–70.
6. Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1.
7. Казакова Н. А. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI–XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 358–368.
8. Калайдович К. Ф. Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной // Вестник Европы. 1813. Ч. 72. № 23. С. 221–224.
9. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Наука, 1989. Т. 1. 673 с.
10. Нестор. Русские летописи на древне-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером / Пер. с нем. Д. Языкова. Ч. I. СПб., 1809.
11. Покровский Н. Н. Афанасий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Л.: Наука, 1988. Ч. 1. С. 77–78.
12. Покровский Н. Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 3–43.
13. Протопопов В. В. Русская мысль о музыке в XVII в. М.: Музыка, 1989. 96 с.
14. Свирелин А. О начале и устройстве Переяславского Данилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863.
15. Сиренов А. В. О Волковском списке Степенной книги // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 246–305.
16. Смирнова Э. С. Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во Владимирском храме // Дмитриевский собор во Владимире. К 800-летию создания. М., 1997. С. 220–254.
17. Снегирев И. М. Памятники московской древности. М.: Тип. Семена Августа, 1845. 528 с.
18. Татищев В. Н. История Российская. СПб., 1784. Т. IV.
19. Чернецов А. В. Золоченые двери XVI в. М.: Наука, 1992. 216 с.
20. Lenhoff G. How the bones of Plato and two kievian princes were baptized: Notes on the Political Theology of the «Stepenaja Kniga» // Die Welt der Slaven. 2001. XLVI. S. 315–332.